

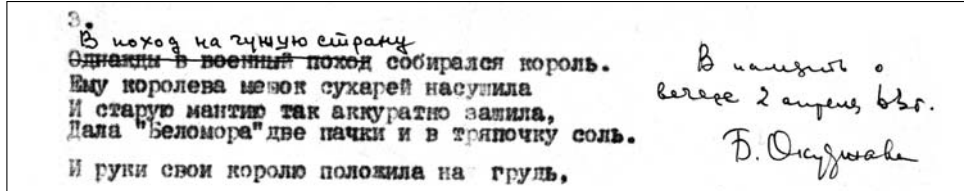
Сергей КАЛМЫКОВ

Вокруг Окуджавы

Что я могу добавить в мозаику сведений об Окуджаве? Давние впечатления о двух встречах. Пожалуй, это была ранняя осень 1962 года, но допускаю, что весна следующего. Во всяком случае, был теплый день, когда я услышал, что в детской библиотеке им. Крупской тогда-то, в таком-то часу, будет выступать сам Окуджава. Приходится сознаться, что прежде я не был знаком ни со стихами его, ни с песнями. Домашние магнитофоны были особой редкостью, не было этого чуда и у нас. Но в библиотеку на верхнем этаже серого здания (ул. Советской Армии угол Ярославского) я приходил еще в школьные времена. На лестничной площадке, у запертой двустворчатой двери, растерянно томилась дюжина молодых людей. Наступало назначенное время выступления, однако дверь не открывалась. На стук выглянул молодой милиционер — хмуро посоветовал не шуметь и не нарываться на неприязность. И все же мы успели увидеть, что внешнюю дверь, перед которой все нерешительно топтались, удерживает протянутый наискось через тамбур длинный крюк. И это могучее устройство чудом оставило между дверными створками щель шириной пальца в два. Далее сработали смекалка и дерзость. Слева нажали, справа оттянули и с болью протиснувшись в щель рука стала нащупывать крюк... И вот желанный результат: лязг, стук, и мы влетели в библиотеку. Милиционер растерянно дернулся, а Булат Шалвович был удивлен, но попросил быстро и тихо разместиться среди столов читального зала. Затем его рассказ был продолжен. Вот что удалось извлечь из памяти:

— На полную неизвестность мне жаловаться не приходится. Есть такой фильм "Цепная реакция", и там я пою "Полночный троллейбус". Хотя мои стихи звучат преимущественно с магнитофонной ленты, зато осуждают их печатно, следовательно, они известны даже в высоких кругах и раздражают начальство.

— Критикуют немало, но неумело. Меня в какой-то степени защищает от настоящих неприязностей то, что я фронтовик и коммунист.

— Не раз слышал, причем с осуждением, что я пацифист. Но я прошел войну и насытился ею сполна.

— Часто спрашивают: "Почему вы пишете грустные песни?" Предлагаю: желаете чего повеселее — читайте и слушайте Долматовского.

— Я, конечно, не композитор, и то, что сейчас собираюсь исполнить под гитару, вовсе не песни. Просто в какой-то момент я понял, что мои стихи просятся звучать под музыку. Меня научили двум-трем примитивным аккордам, и вам это предстоит услышать.

И Б.Ш. взял гитару. Были исполнены "Голубой шарик", "Вы слышите, грохочут сапоги", "Веселый барабанщик", "Всю ночь кричали петухи", "Черный кот", "Баллада о дураках", "Бумажный солдатик", "Песенка об открытой двери", "Возвращение короля" (слова "Дала Беломора" две пачки и "Покрепче их бей, а не то прослышешь пацифистом" вызвали смех). Впечатление от встречи с Б.Ш. было небывалым. Ни пафоса, ни фанфар, ни призывов, свойственных советским песням. Никакого уныния не было, но строки пронизывали светлая грусть, они волновали искренностью и доверительностью, рождали понимание, созвучные чувства. Казалось, что я становлюсь другим, более отзывчивым, более человеческим. Рождались и формировались кристаллы нового мировоззрения.

***

Следующая встреча с Окуджавой датируется документально. 2 апреля 1963 года он выступал в зале ОИИМФА. Народу было много, но зал был радиодиффузорам, слышимость была отличной. Поговаривали, что запись вы-

ступления затем поступила в партком. Не исключено, что и выше.

Как правило, мое запоминание прямо связано с новизной впечатления, с возникающим чувством удивления. И на этой встрече сверх уже слышанных в библиотеке песен ново, красиво и мелодично прозвучали "На Смоленской дороге", "Надежды маленький оркестрик", "Простите пехоте", "До свидания, мальчики". Отвечал Б.Ш. и на записки, временами не скупясь на иронию.

— Недавно на очень высоком совещании сам тов. Ильичев сказал, что мои стихи и песни находятся в конфликте со всем строем нашей жизни, что вся их интонация идет от душевного надлома, а если они нравятся определенной части молодежи, то интересно, какой и с какими вкусами? Я очень благодарен молодежи, но не референтам тов. Ильичева, которые эту критику поместили в раздел его выступления, касающийся творчества советских композиторов.

После концерта-встречи я попросил у Б.Ш. автограф на нескольких самиздатских листках. Он подправил одну строчку и четко написал: "В память о вечере 2 апреля, 63 г. Б. Окуджава". Еще он сфотографировался с небольшой группой молодежи, и впоследствии я с досадой увидел эту карточку с дико контрастными, едва распознаваемыми лицами. Непростая слова "любительское фото" иногда произносятся с извиняющейся интонацией...

Несколько человек сопровождали Б.Ш. по городу. Были и рассказы, и вопросы.

— Как Вам поэт Фирсов?
— О, этот, безусловно, знает, чего хочет.
— Выйдет ли книжка Ваших стихов?
— Не предвидится до тех пор, пока будут печатать Грибачева.

Вот фраза Б.Ш. о Владимире Солоухине:
— По первому впечатлению — крупный, открытый, доброжелательный. Ну, прямо богатырь (Б.Ш. не продолжил).

***

Рассказывая о Булате Окуджаве, просто обязан процитировать два фрагмента переписки давних-предавних приятелей, бывших студентов ОИИМФА.

Георгий Гергая — Юрию Калмыкову.
"Помнишь? Это же ты организовывал. А я помогал. Профком выделил деньги, и мы купили Б.Ш. в подарок морской бинокль. Секретарь парткома института И.Е. Крук, в общем, неплохой человек, на следующий день негодовал именно по поводу "пацифистской направленности" выступления и песен. А летом 1997 г. я отремонтировал паром в Шанхае и после работы 12-го, нет, скорее, 13 июня смотрел новости по CNN. Тут и узнал, что в Париже умер Окуджава. Для меня мир опустел. Через пару дней суперинтендант пригласил командиров в ресторан... и под конец, когда разговоры истощились и в ресторане остались только мы, я запел песни Окуджавы. Ребята подпевали, китайская обслуга вывалила в зал слушать, а я пел и плакал..."

Юрий Калмыков — Георгию Гергаю.
"...Мы услышали о его кончине в Париже почти на бегу, в суе разборок в дальнюю дорогу. Я с командой отправлялся на Таймыр, где нас ждала работа, то самое незакатное полярное солнце и противные крики чаек, дерущихся за отбросы на помойке всю так называемую ночь. Но пластинки успели послушать..."

...Многие годы само присутствие этого человека на Земле было многозначительным фактом собственной биографии. Да и остается, впрочем; почему "было"? Биографии, конечно, не внешне-документальной, а потаенной, глубоко запрятанной, единственно что-то значащей — главной.

...Многие годы корю себя за то, что не хватило ума в свое время начать вести пусть не дневник даже (куда уж там!), но хотя бы записную книжку. Хотя бы с простой и краткой фиксацией событий, ситуаций, драгоценных сведений, бесценных фраз... Ведь столько послала судьба уникальных встреч и замечательных хитросплетенных обстоятельств... Спасибо тебе. Как хорошо, что сохранилось еще трошки мужчин, способных плакать и умеющих рассказать об этом через много лет.

Жанна ЖАРОВА Одесский цикл

***

Я этот город знаю наизусть —
Его дома, бульвары, мостовые,
Его туманов призрачную грусть...

Но каждый раз люблюсь, как впервые,
Пустынным пляжем в предзакатный час,
Где только чайки носятся шальные.

Как скряга, собираю про запас
И бережно храню в души копилке
Все мелочи, что так важны подчас.

Я их отправлю в плавание в бутылке
По воле волн рифмованных, и пусть
Ее найдет читатель мой случайный,
Как лишь ему доверенную тайну
О городе, что знаю наизусть.

Пляж

И зной полуденный, и плеск веселых волн,
И звонкий гомон детворы на пляже,
И рифмы наплывают: "быстрый челн",
И "летний день струится, негой полн"...
Но это все — архаика, и даже
Немного плагиат. Одесские пейзажи
По-современному сегодня говорят:
Вот парашюты в воздухе парят,
Виндсерфинга скользит веселый парус,
И дельтаплана легкое крыло
На струи восходящие легко
И облаков распарывает гарус.

На водных лыжах юный полубог,
Два полукружья пенные вздымая,
Как крылья ангела, за катером летит.
А прочий пляжный люд на берегу сидит
И, объявляя по радио внимаю
(Ни слова, впрочем, в них не понимая),
В неразберихе тел, голов и ног

Дитя чужое безуспешно кличет,
Что тут же где-то безутешно хнычет —
Но в общем говоре

А день все длится,
и слышен детский писк.
И слепящий солнца диск.

Меж тем лениво катится к закату.
И мамы отыскались, и ребята,
И, за руки держась, идут домой.
Пустеет пляж. И стих беспечный мой,
Как этот день, что завтра канет в Лету,
Кончается. Но длится лето...

***

У месяцев — мужские имена.
А между тем ведь трем четвертым года —
будь осень то, зима или весна —
суть женская назначена природой
и русским языком. И лишь одно
иначе лето определено.

Оно — "оно". И в нем двойное дно:
мужское в нем и женское начало.
Оно пьянит, как терпкое вино,
заметим здесь, что и вино — "оно",
и море — тоже: в нем песок и скалы,
волна и берег, лодки и причалы...
Но возвратимся к лету. Пригуби
и — пей его до дна. И — полюби! —
его жару и зной, шальные ночи,
хмельные дни и пьяную волну,
его ветров звенящую струну,
когда прибой смеется и грохочет,
и — штиля неожиданный покой...
Продли его неспешную строкой —
ведь лето тоже уходит не хочет.
Но времени неумолимый ход
его торопит. Осень в свой черед
заплачет ливнями, потом зима завьюжит...
Дожди и слякоть, гололед и стужа —
три месяца и три, но это все не в счет, —
и лишь весна гонцов своих пошлет

за новым летом, и начнем сначала
счастливых летних месяцев отсчет:
июнь, июль и август...
Жаль, что мало.

Парадная

Вот двор. Парадная. Витраж.
Истертой лестницы ступени
Ведут — за этажом этаж —
На самый верх, где свет и тени
Пространство делят пополам,
Где облупилась штукатурка
И по углам скопился хлам:
Стакан граненый, два окурка.
Один в помиде...

Вот сейчас
Возможен поворот сюжета.
Здесь начинается рассказ
Или кончается?
Об этом
Я не узнаю никогда.
Да и к чему мне чьи-то тайны?
Ведь заглянула я сюда,
По правде говоря, случайно:
Спонтанный памяти вираж,
Где витража цветные тени,
Как дует тающая мираж,
Плывут над мрамором ступеней.

Люстдорф

Кроссовки, джинсы, на плечо — рюкзак
(Спортивный стиль сегодня снова в моде),
И куртку потеплее — по погоде,
И к морю — в Черноморку, просто так —
Благодаря и радуясь свободе.

Трамваем до Люстдорфа — битый час
Трястись, но времени теперь навало.
Для счастья нужно, в сущности, так мало —
Глоток свободы в день хотя бы раз,
И путь неблизкий от ж/д вокзала,

И берег опустевший, где песок
Весь в чайных следах — не человеческих,
И резкий звук гортанной птичьей речи,
И ветер чтобы холодил висок
И волны гнал рядами мне навстречу.

Фото Вячеслава Тенякова.

Но поздно. Вечереет. Ветер стих.
Пора домой. Везу тебе в подарок
Рассказ об этом дне, что был так ярок,
Богов куриных дюжину — и стих,
Написанный почти что без помарок.

***

Дрожащей пены клочья на песке
слизнет волны язык.
Закат завис у дня на волоске,
и резкий чайки крик
не нарушает берега покой.
От солнца заслонив глаза рукой,
слежу, как в облаках
истаивает птицы силуэт
и крыл ее размах,
напоминающий бровей разлет.
И тает день, как этой чайки след...
Чей лик склонился над простором вод?
Кто росчерком крыла,
как росчерком пера,
знамений руны чертит в небесах?
Какую письмена несут нам весть?
Не знаю я. Мне не дано прочесть,
как не дано мне время удержать.
Но есть перо, чернила и тетрадь.
И росчерком пера,
как росчерком крыла,
летающе строкой
я сохранил в стихах
и птицу в облаках,
и берега покой.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маршаловская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.